

УДК 32.001

Понятие, причины и пути борьбы с экстремизмом

А.А. Бочков, В.М. Бородич, Е.Ф. Ивашкевич

Рассмотрены основные подходы к понятию «экстремизм», его метафизический характер, проанализированы основные причины и источники, порождающие данное явление, виды и формы экстремизма на современном этапе. В заключение сделаны предложения по подготовке программы противодействия экстремизму и совершенствованию национального законодательства.

Распиная других,
мы распинаем себя.
Питирим Сорокин

Актуальность темы объясняется ее недостаточной изученностью в теоретическом плане и опасностью – в практическом. Экстремизм превращается в одну из глобальных проблем современности, катастрофогенный фактор. Он стал прибыльным бизнесом. Так, только доход в сфере терроризма оценивается в мире в среднем в 20 млрд. долларов в год [1]. Не случайно, что многие ученые рассматривают политический терроризм как фобократию (от греч. *phobos* – ужас, страх, *kratos* – сила, власть, господство), как крайний вариант военной власти. Наркобизнес, нелегальная экономика, продажа оружия, проституция, работоторговля, наркомания, преступность развиваются в теснейшем контакте с экстремизмом, часто выступая его формами.

Сам термин «экстремизм», его понятие, сущность еще до конца не выяснены, в отличие от понятия терроризм. Общество оказалось неподготовленным для борьбы с этим страшным явлением.

Если раньше экстремизм напрямую связывали с тоталитаризмом, бедностью, низким материальным и культурным уровнем различных социальных, национальных, религиозных групп, то в настоящее время приходит осознание того, что это явление намного сложнее и многоаспектнее, присущее не только антидемократическим режимам, но и либеральным, демократическим обществам еще в большей степени. Оказывается в замкнутых традиционных обществах, например, у бушменов Южной Африки, Австралии или у народа майя в Мексике, которые находятся на очень низком уровне развития, нет ни экстремизма, ни терроризма. Представляется, что экстремизм – это результат острого противоречия культуры и цивилизации, бездуховности цивилизации, качественное мерило цивилизованности, гуманизма и развитости общества.

Экстремизм (от фр. *extremisme*, от лат. *extremus* – крайний) – приверженность к крайним взглядам и мерам, преимущественно в политике. Экстремист – человек, придерживающийся крайних мер и действий. Интересно, что в ряде словарей экстремизм

приравнивается к максимализму, где максимализм – это крайность в каких-нибудь требованиях, взглядах, неоправданная реальной действительностью [2].

Родовым понятием экстремизма является радикализм левого и правого толка (от позднелат. *radicalis* – коренной, лат. *radix* – корень) – социально-политические идеи и действия, направленные на решительное изменение существующих институтов. Экстремизм – это крайняя форма проявления радикализма. Радикализм обозначает разрыв с традицией. Крайние формы радикализма – якобинство, анархизм, марксизм, большевизм, расизм, фашизм, шовинизм, апартеид и т.д. Его характерные черты – упрощение, утопизм, разрушительный и нигилистический подход, склонность к «простым решениям» и крайним средствам, разрыв с действительностью и погоня за «светлым» будущим. Хотя принято считать, что его социальная среда – деклассированные элементы, маргиналы, люмпены, однако социальное расслоение может привести к экстремизму как на верхнем уровне социальной структуры, уровне элиты (Усама Бен Ладен – миллионер из Саудовской Аравии), где экстремизм питают неудовлетворенные амбиции (часто общегосударственного, мирового, планетарного характера) и признание нижестоящими представителей «неистинных» ценностей, веры, религии (гяуры), так и на нижнем уровне. Представителями экстремизма могут также быть люди, опустившиеся на самый низ социальной лестницы («дно»), где положение более успешных в материальном, социальном и властном плане вызывает зависть и злобу. Состояние всеобщей неуверенности и нестабильности создает благоприятную социально-психологическую почву для радикализма, возникновения ультралевых и ультраправых идей [3].

В Федеральном Законе Российской Федерации «О противодействии экстремистской деятельности», принятом Государственной думой 27 июня 2002 г., записано, что экстремизм – это:

- 1) деятельность общественных и религиозных объединений, либо иных организаций, либо средств массовой информации, либо физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на:
  - насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;
  - подорыв безопасности Российской Федерации;
  - захват или присвоение властных полномочий;
  - создание незаконных вооруженных формирований;
  - осуществление террористической деятельности;
  - возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию;
  - унижение национального достоинства;
  - осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы;
  - пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности;

- 2) пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения;
- 3) публичные призывы к осуществлению указанной деятельности или совершению указанных действий;
- 4) финансирование указанной деятельности либо иное содействие ее осуществлению или совершению указанных действий, в том числе путем предоставления для осуществления указанной деятельности финансовых средств, недвижимости, учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной, факсимильной и иных видов связи, информационных услуг, иных материально-технических средств [4].

Корни экстремизма находятся в социальной природе общества, вытекают из его противоречий. Выделяют различные проявления (виды) экстремизма: политический, экономический, религиозный, национальный, идеологический, психологический, военный и даже потребительский, связанный, с одной стороны, с производством и продажей некачественных, фальсифицированных товаров и услуг (от водки, лекарств до туристического бизнеса), а с другой – с деятельностью аферистов-потребителей в банковской сфере, страховом бизнесе, торговле и т.д. Самые крайние формы экстремизма – войны, социальные революции, терроризм, убийства. Примеры экстремизма мы находим в истории. Это и убийство римского императора Цезаря в 44 г. до н.э., и аутодафе в XI–XII вв., опричнина Ивана Грозного, движение народников 80–90-х гг. XIX в., массовые репрессии периода культа личности Сталина, теракты 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, трагедия Беслана и т.д. При этом в мире происходит рост числа террористических актов с 274 в 1998 г. до 650 в 2004 г.

Необходимо иметь в виду, что экстремизм является ответной реакцией на длительное затягивание решения назревших политических, этнических, религиозных, социальных и экономических проблем. Это знак отчаяния, конфронтации и вызова.

«Экстремизм, – пишет доктор юридических наук М.А. Краснов, – это всегда дух ненависти и злобы, дух агрессии и презрения к человеку» [5].

Выделяют различные порождающие источники экстремизма:

- системные кризисы, особенно в периоды незавершенных социальных модернизаций, подобные тем, которые пережили народы бывшего СССР и Югославии, вынужденные в короткие сроки изменить свой политический режим, экономическую систему и национально-государственное устройство [6];
- процессы массового разорения, расслоения, поляризации общества, особенно в период его трансформации, когда, с одной стороны, находится «золотой миллиард», олигархи, а с другой – массы обездоленных;
- использование государственного экстремизма во внутренней и внешней политике, связанное с наступлением правительства на права и свободы граждан, которые не могут легальными, мирными методами их отстоять, что порождает агрессивность, отчаяние и злобу у людей (СССР времен Сталина, Румыния периода Чаушеску, Ирак периода Хусейна и др.);
- ускоренные процессы индустриализации, массовой миграции и незавершенной урбанизации. При этом именно маргиналы составляют основную социальную базу

- экстремизма (так, около 35% скинхедов Российской Федерации живут в неполных семьях, родители 58% из них заняты в торговле и «ресторанном» бизнесе [7]);
- отсутствие сильных политических организаций, представляющих и выражающих интересы народа;
  - ослабление государственной власти, дискредитация ее институтов, представителей, падение исполнительной дисциплины;
  - низкий уровень культуры вообще и культуры межнационального общения в частности, что является почвой для различных предрассудков, предубеждений, фобий, поиска «врага», исторических несправедливостей и обид. В связи с этим, гипертрофированное возвеличивание национальной и культурной самобытности может привести к исключительности и противопоставлению;
  - кризис самоидентификации, самоопределения, что заставляет людей спланиваться в первичные этнические и религиозные группы, где растет ксенофобия и традиционализм, часто перерастающие в фундаментализм;
  - нерешенные и нерешаемые национальные и религиозные проблемы, особенно на стадии борьбы за национальную независимость.

Появление экстремизма порождается совокупностью объективных и субъективных факторов. Объективные факторы связаны с реальным политическим, экономическим, социальным, традиционным положением народа, группы, обусловленных историей и культурой, субъективные причины обусловлены кризисом власти, ее неспособностью решать вопросы общественной жизни, амбициями политических лидеров, стремлением социальных групп осуществить политические, национальные, религиозные, социальные проблемы ускоренными темпами, их нежеланием и неспособностью к диалогу и т.д.

По мнению А. Кара-Мурзы, «терроризм – это действия, направленные на уравнение шансов или на слом игры... С точки зрения самих террористов, их действия – это форма восстановления попорченной справедливости» [6, с. 21]. При этом терроризм выступает как асимметричный ответ слабой стороны на действия сильной, ударом на удар, часто с использованием макиавеллистских методов, где цель оправдывает средства.

Характерной особенностью современного экстремизма является сращивание его различных форм, когда появляется этнорелигиозный, политико-религиозный, идеолого-психологический терроризм и другие виды. Так, идеолого-психологический экстремизм использует демагогические призывы и лозунги, создающие образ врага, апеллирует к низменным чувствам, психике, подсознанию, призывает к гражданскому неповиновению, зомбирует, запугивает население, использует «черный» пиар, обещает быстрые успехи.

Экстремизм оказался заразительным для определенной категории населения. Он стал своего рода наркотиком, отдушиной, экстримом, доставляющим в кровь адреналин. Если раньше, например, политический терроризм всегда был социально обусловлен и направлен на шантаж властей, государственных органов, открыто и демонстративно выдвигал свои требования, связанные с выкупом, освобождением из тюрьмы единомышленников, прекращением военных действий, признанием государственного суверенитета определенной территории, то в последнее время происходит рост анонимных террористических актов с неявными, «размытыми» целями, совершение массовых убийств без разбора, ответственность за которые никто не берет.

Использование нелегального, неоправданного насилия государством также может повлечь ответные меры. В связи с этим недопустим государственный экстремизм. Интересным на этот счет является мнение российского исследователя проблем экстремизма и терроризма, генерала армии Н.Е. Макарова: «Политический экстремизм стал по существу, легальной формой внутривластной деятельности государства и его правоохранительных органов. Фактически он сросся с государственностью и стал ее негативным олицетворением» [8]. Здесь можно вспомнить Т. Гоббса с его «Левиафаном», Ф. Ницше, который говорил, что «государство холодно ложет и ложь ползет из уст его». Это находит подтверждение в истории, о чем свидетельствуют последние события в Венгрии, Польше. При этом поиск внутреннего или внешнего врага на государственном уровне, в СМИ неизбежно может привести к экстремизму, всплеску народного гнева.

Тоталитарное государство – это государственный экстремизм, подавивший все другие формы экстремизма. Для демократических государств представляют опасность и индивидуальный, групповой, национальный, религиозный экстремизм как наследие прошлых проблем, «неподлинной» демократии, и безбрежный плюрализм.

Требует своего дальнейшего исследования психология экстремизма. Если в плане изучения психологического портрета террориста многое делается, то другие направления экстремизма слабо изучены, особенно молодежный экстремизм.

Рисую личность террориста, психологи абсолютно обоснованно отмечают его психическую ущербность, потребность гиперкомпенсации за счет других людей, эмоциональное восприятие, искаженное представление о справедливости, законности, жертвенности и т.д.

При этом для общества опасны не только экстремистские действия, но и идеи, представленные в привлекательной «упаковке» и заразные для других слоев населения, прежде всего для молодежи. «Массовое» общество создает «одномерного», гомутеризированного человека, человека-цивиленс, находящегося в стадии выбора, склонного к немотивированным, неоправданным, разрушительным поступкам. Особенно это характерно для человека-толпы в условиях дегуманизации и коммерциализации общества, утратившего нравственные и волевые составляющие.

Представляется, что история общества в значительной степени – это история экстремизма явного или скрытого, когда волюнтаристский подход игнорирует объективные законы, а достижение цели осуществляется экстремистскими, насильственными методами. С точки зрения безопасности, эффективности, гармонии эти методы исчерпали себя. XXI век должен стать временем согласованных, ненасильственных действий.

Требует своего дальнейшего исследования метафизический аспект экстремизма.

Человеку по природе присуща агрессивность, причем ее направленность далеко не всегда имеет деструктивный характер. Состязательность, творчество, даже любовь так или иначе сочетаются с данным инстинктом, эксплицируя, переводя его энергию в позитивное русло. По мнению К. Лоренца [9], важно не ликвидировать агрессию, а предотвращать ее вредные проявления.

Вместе с тем, очевидно, что разные люди в одинаковых условиях ведут себя по-разному: более или менее агрессивно. Эрих Фромм считал, что различные типы характеров реализуются посредством определенного психологического механизма. В нашей

психике присутствует конфликт двух начал: жизни и смерти, Эроса и Танатоса. Биофилия выражается в ориентации на жизнь и созидание, некрофилия – в страсти к разрушению и уничтожению. Доминирование одного из начал определяет характер индивида [10]. К этому можно добавить, что по-разному ведут себя и разные сообщества, вплоть до этносов. В учении Л.Н. Гумилева об этногенезе выделяются такие факторы этнического поведения, как пассионарность, комплиментарность, на которые следует обратить внимание при исследовании интересующего нас феномена экстремизма. Автор выделяет и такой феномен, как антисистема. «Ее носителем становится этническая химера, неустойчивая целостность, насильственно образующаяся при столкновении этноса с различной комплиментарностью [11]. Интересна в этом плане и категория архетипа из учения К.Г. Юнга о коллективном бессознательном.

Экстремизм вообще можно рассматривать как некоторого рода комплекс неполноценности. Где корни этого комплекса? В сфере социального или биологического? К сожалению, решая проблему отношения этих начал, по крайней мере, саму социальность часто трактуют слишком примитивно, в традиции эволюционизма, где фактически личность как таковая не признается. Что касается собственно «или», то никто пока не отменил сочетание в человеке обоих начал и его целостный статус «социального, политического животного». Таким образом, речь должна идти о наложении друг на друга двух комплексов: социального и биологического. Что из них превалирует, определяется глубиной влияния обоих начал. Или, как считал В. Соловьев, весь вопрос в том, кто от кого произошел: человек от обезьяны или обезьяна от человека? Между прочим, животные также не чужды некоторой своеобразной социальности, но их агрессивность определяется биологической сферой. Однако, экстремизм – это не просто агрессия. Это – феномен культуры, точнее, анти-, контркультуры. В животном мире такового явления нет и быть не может.

Человек, как любое животное, смертен. Но он еще и знает о своей смертности. Простой, но архиважный факт. Более того, человек по-настоящему никогда не соглашается с такой несправедливостью (карой) и так или иначе стремится самоутвердиться в вечности. Сущность всякой религии – в таком самоутверждении. Религия есть разрешение самого жуткого из комплексов: ибо неполноценность человека не столько в его смертности, сколько в знании о ней. Экстремизм в этом плане антирелигиозен, квазирелигиозен, враждебен религии, хотя и выступает под ее знаменами. Однако, экстремизм не должен ассоциироваться с какой-либо конкретной религией, национальностью, государством. Нельзя его выводить из ислама, иудаизма, синтоизма, дзенбуддизма и других религий. В нем – стремление к разрешению фундаментального комплекса, к освобождению от него здесь, на земле, в посюстороннем мире, во времени. Он нарушает одну из важнейших оппозиций, структурирующих, скрепляющих культуру: Вечность и Время.

Таким образом, экстремизм есть феномен не наивного нерелигиозного сознания, а ложного религиозного сознания, оборотень настоящей религиозности. Первым экстремистом в библейской традиции является Каин. Не случайно, Дж. Гордон Байрон, человек с ярко выраженным радикальным комплексом, в силу своей гениальности и воли направивший энергию в сферу творчества (хотя и не без деструктивных проявлений), обратился к феномену Каина. И представил этот образ далеко не в библейском виде.

Оппозиция Вечности и Времени является самой фундаментальной, но не единственной, нарушение которой характерно для экстремизма. Близко к ней стоит оппозиция религиозного и светского, потустороннего и посюстороннего. Размывание этой целостности также обуславливает так называемый религиозный экстремизм: от крестовых походов до исламского фундаментализма. Но субъектом такого экстремизма может оказаться и светская структура – например, государство (тоталитарное) или транснациональное образование, проводящее политику глобализма. Собственно, «религиозное – светское» есть лишь модификация «вечного – временного». Хотя, с точки зрения философии, вероятно, лучше предпочесть сочетанию «религиозное – светское» несколько иное: религиозное – мифологическое или духовно-плотское.

Отдельного внимания заслуживает оппозиция мужское – женское. Здесь мы напрямую соприкасаемся с биологическим началом, а значит – и с сексуальным комплексом. Размывание данной оппозиции присуще по крайней мере вождям экстремизма. Конечно, мужское и женское в человеческом мире никогда не является чем-то сугубо биологическим. Как и оппозиция старший – младший. Так мы вплотную подходим к феномену семьи. Именно для нее важно ясное различие указанных признаков. Экстремизм отличается не только личностной извращенностью своих лидеров в этом плане, но и стремлением к полному уничтожению самой структуры семьи. Такова месь экстремизма. Неудовлетворенность, зависть, обида – все это мотивы экстремистского мятежа и вызова.

Здесь можно сослаться на опыт великого поэта демонического склада А.А. Блока, который тщательно разрабатывал тему мятежа и возмездия, причем в самых разных измерениях. Что касается собственных комплексов поэта, то они достаточно широко известны, насколько вообще можно говорить об известности столь таинственного предмета. Чтобы решиться на выражение в одних образах, вплоть до деталей, той жуткой силы, которая угнетает родную страну (стихотворение «Коршун» 1916 г.), и собственного отца (поэма «Возмездие»), угнетающего семью, нужно было обладать не только прозорливостью, но и мужеством. А ведь «коршун» сидел и в самом Блоке («бою души своей двуликой...»), как и в Байроне, и в Лермонтове. Их спасала от откровенного экстремистского выражения поэзия. Но у иных одержимых не было этой отдушины, что само по себе их не оправдывает. Вопрос о том, совместимы ли гений и злодейство, до сих пор актуален. Еще Ф. Ницше предупреждал о том, что гений становится невыносим, если ему не достает благородства и благодарности. Склонность к предельному экстремизму (как мироотрицанию и жизнеотрицанию) и гениальность, при всей своей противоположности, в чем-то очень близки, их разделяет нечто почти неуловимое.

Поскольку мы затронули тему семьи, то можно добавить, что сексуальный маньяк и экстремист – типы весьма близкие. Роднит их и негативное отношение к семье (и к тем позициям, которые ее определяют), хотя каждый мстит ей за свою семью, обиженную, несчастную, – по-своему. Как нам представляется, увлечение современной цивилизации поощрением экспансии нетрадиционной сексуальности чревато дальнейшей экспансией экстремизма. Ведь свято место пусто не бывает: здоровая оппозиция сменяется нездоровой.

Вместо классических семьи и государства мы порождаем монстров на почве транссексуальности и транснациональности. А комплексы остаются!

Экстремист, особенно политический, ненавидит Власть и государство и вместе с тем рвется к ним. Власть необходима ему для реализации тайных деструктивных помыслов своего радикального нигилизма. Путь экстремизма – протест, мятеж, сопротивление. Поскольку основой социального мироустройства являются семья и государство, именно они оказываются главной помехой для реализации нигилистического проекта. Семья и государство для экстремиста – оплот ненавистной Власти. Они причинили ему страдание, их надлежит разрушить. Для того чтобы повести за собой на Врага других, – а в одиночку реализовать Проект невозможно, – нужно дискредитировать данные структуры, а для начала – лишить их святости и ореола. Десакрализация, профанация – первое орудие экстремизма. На каком-то этапе исторического развития может показаться, что лишённые тайнства святости или незыблемости семья и государство только укрепляются. Но это лишь видимость. Обратной стороной такой профанации являются кажущиеся ее антиподы вроде этатизма или тоталитаризма. Этатисту в действительности не нужно освящение государства, поскольку в его представлении оно свято само по себе. Здесь также нарушается уже отмеченная нами оппозиция вечного – временного или религиозного – светского. Собственно, этатист совершает то же, что и ложный гуманист. Последний обожествляет индивида, первый – государственную структуру в ущерб правовой. И там, и там – святость без тайнства освящения. Ложная святость! Гордыня, которая рано или поздно оборачивается разочарованием и унынием, что на руку уже чистому экстремизму. Так сходятся крайности: этатизм и анархизм, тоталитаризм и либерализм и пр.

Экстремист – изгой, отверженный, скиталец, маргинал. Тип бастарда, незаконнорожденного. В его понимании размыта оппозиция «свой – чужие». Кстати, вполне здоровая оппозиция, необходимая для разграничения культур, этносов, самоидентификации. Экстремизм в принципе склоняется к беспределу, к некому мареву, где уже нет различия между действительным и мнимым, где все виртуализируется. Граница как таковая – еще один, наряду с Властью, предмет экстремистской ненависти. А ведь Граница есть единство противоположностей в их обстоянии, различии. Граница есть оппозиция. Без оппозиции нет Границ, без Границ невозможна никакая структура. Таким образом, сама метафизика экстремизма понуждает его к борьбе против наиболее значимых границ и оппозиций. Свет – тьма, высокое – низкое. Наконец, одно – многое, бытие – небытие. Оппозиции колеблются, оборачиваются, смешиваются, ломаются. Происходит перемена знаков, маскарад, эпатаж, транс и т.п., – все это арсенал экстремизма. Это отнюдь не безобидно, хотя часто именуется протестом, обновлением, либерализацией, плюрализмом, здоровым соревнованием и т.д.

Что касается отношения «свой–чужой», то здесь нельзя заниматься примитивизацией, декларируя лозунг типа: «Ребята, давайте жить дружно!» Подобное толстовство отдает либо наивностью, либо неискренностью. Отчуждение действительно является серьезной проблемой истории. Вероятно, в учении К. Маркса эта тема была центральной. К сожалению, сам Маркс слишком жестко увязал категорию отчуждения с собственностью, что провоцировало разного рода «большевистские» экстремизмы. Кроме того, в отчуждении есть и положительный момент: преодоление узости родоплеменных, коллективистских отношений. Отчуждение у Гегеля – важное звено в утверждении правовой свободы.

Гегель представлял социальную структуру в виде триады: семья – гражданское общество – государство. В зависимости от того, как мы поймем гегелевское «снятие», само данное представление может быть уяснено либо в духе жесткого этатизма, либо гармоничного, гражданского общества. В любом случае, сам Гегель исключительно внимательно относился к феномену отчуждения, концентрированным выражением которого как раз и рассматривалось самоорганизуемое гражданское общество. Уберите последнее – и вы получите «экстремизм без границ». Причем, война не на жизнь, а на смерть пойдет уже между обеими его модификациями: патернализмом и этатизмом. Но стоит только пренебречь семьей и государством, гипертрофируя гражданское общество и принцип индивидуализма, экстремизм войдет в нашу жизнь уже с другой стороны как экстремизм «посредственности», угодливости власти, голой середины, комформизма и холопства.

Однако, для оппозиции «свой–чужой» не менее важна и другая структура: этническая или этнокультурная. Представленную же выше структуру (семья – государство – гражданское общество) можно именовать социокультурной. Поэтому в этнокультурном измерении вырисовывается следующая триада: семья – народность – народ. Здесь можно использовать и категории Л.Н. Гумилева: субэтнос, этнос, суперэтнос. В контексте проблемы экстремизма вырисовываются опасности, аналогичные тем, что выявились в социокультурном измерении. Если соотнести между собой сами эти измерения, то этнокультурное может быть сопряжено преимущественно с понятием «культура», а социокультурное – с понятием «цивилизация».

Таким образом, намечается напряжение и по этой линии – в рамках оппозиции культуры и цивилизации в их специальном значении. В погоне за демократизацией мы часто забываем о самой культуре, об этнокультурном измерении человеческого бытия. В результате, в «демократическом государстве» для народного места почти не остается. Может быть, следует с большим вниманием отнестись к понятию «демогическое (т.е. народное) государство»? Так или иначе, нарушение отношения культура – цивилизация, противоречия западной и восточной, христианской и мусульманской цивилизаций, оппозиции «свой–чужой» и создает почву для экстремизма.

Свобода – бытие с самим собой, у себя, среди своих (своего). Здесь «Ободь» – граница, круг. Экстремизм – есть результат неспособности человека верно решить эту архитрудную проблему, признак отчуждения человека от гуманистического бытия, нашей склонности к редукционизму.

Часто под экстремизмом понимают исключительно традиционализм. На наш взгляд, феномен экстремизма в своей сущности имеет несколько векторов. Во всяком случае, либерализм и демократия отвечают его природе в гораздо большей степени, нежели традиционное общество.

Экстремизм и насилие – это близнецы-братья, но не синонимы. Насилие может быть обоснованным, справедливым, оправданным, используемым для того, чтобы избежать еще большего насилия, а экстремизм – всегда неоправданное зло. Настоящий экстремизм может скрываться за вполне респектабельным фасадом, избегать какое-то время откровенного насилия. Собственно, насилие, используемое с древнейших времен во всех социальных сферах (не только в политике), никогда не ограничивалось сугубо

физическими действиями. Ущерб моральный, психологический и прочий в отношении той или иной социальной системы также попадает под эту категорию. В сфере политической различают несколько видов насилия, например:

- 1) коллективно-структурированное – во имя интересов страны или правящей элиты, осуществляемое государственными институтами;
- 2) коллективно-неструктурированное – бунт, носящий характер народного возмущения;
- 3) индивидуально-структурированное – навязывание воли «сюзерена» вассалу;
- 4) индивидуальное неструктурированное – от бытового хулиганства до служебных злоупотреблений чиновника.

Этот перечень [12] можно уточнять, но суть в том, что, как не всякое насилие есть экстремизм, так и обратно, экстремизм далеко не всегда прибегает к очевидному насилию. В своей сущности экстремизм есть беспредел и нигилизм, ибо имеет своей целью разрушение социальной системы (в конечном счете – аннигиляцию действительности), для чего ему достаточно устранить фундаментальные границы-скрепы. Поскольку абсолютный экстремизм практически невозможен, то при постижении реальной власти, в которой он видит как врага, так и инструмент самореализации, им совершается паразитический акт над захваченной действительностью, ее структурное извращение.

В свое время гностики жаждали уничтожения мира, но не имели возможности для более или менее адекватной реализации этого проекта. Современные нигилисты, полагающиеся не столько на мистико-магический арсенал, сколько на научные технологии, существенно продвинулись в своих вожделениях. Для еще большего утверждения этих амбиций им необходима глобальная власть. Если и не удастся разрушить мир вообще, то надежда на глобальную деструкцию социума и даже ближайшего космоса обретает реальные очертания.

М. Хайдеггер как-то говорил, что страшно не столько уничтожение человека, сколько его радикальная трансформация, т.е. не столько тотальная деструкция, сколько реконструкция, переструктурирование. Как выражаются некоторые либеральные идеологи – «перезомбирование». Если радикалы эпох Раннего и Позднего средневековья (гностики I–III веков и последующие катары, тамплиеры, кармаиты и пр.) уповали преимущественно на магию и грубую, но технически несовершенную силу, то начиная с эпохи Просвещения проект нигилистов существенно модернизируется.

В историческом аспекте обострением экстремизма особенно чреватые так называемые переходные эпохи, например, от античности к средневековью, от средневековья – к Новому Времени. Последний переход именуется у нас Возрождением, хотя в связи с войнами это время заслуживает, по мнению некоторых историков, названия «Вырождение» (экстремизм разума в разных формах). Отсюда идет лозунг Р. Декарта «Знание – сила!» Кризис Просвещения (рубеж XVIII–XIX вв.) дает толчок очередной экстремистской экспансии. Наша эпоха – время постмодернизма и глобализации – обостряет опасность экстремизма. Сейчас слишком многие и важные границы истории перекопаны, искажены, разорваны. Мы говорим о столкновении цивилизаций и не замечаем, что оба противника ущербны хотя бы постольку, что одному не хватает собственно культуры, а другому – цивилизации. Запад с некоторых пор пренебрегает категорией Вечности,

Восток же ею злоупотребляет. В результате сталкиваются две несовершенные формы, оснащенные современными технологиями и уверенные в своей правоте. Пламенные борцы с экстремизмом не замечают, что причина и в самих себе. А наиболее изобретательные и отчаявшиеся вынашивают идею трансформации, клонирования человеческой природы, что можно расценивать уже как суперэкстремизм.

Особого внимания исследователей заслуживает религиозный экстремизм в современном мире.

Религиозные конфессии и общины, представляющие отделения мировых религий, – это мощный фактор влияния на сознание людей, их поведение, взгляды на современный мир и политику. Одни страны имеют несколько влиятельных религиозных конфессий, другие – одну доминирующую религию. Естественно, в соответствии с этими факторами роль религиозных общин различна: в странах монорелигиозных это влияние весьма велико, в полирелигиозных странах оно значительно меньше.

В Законе Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях» заложены концептуальные положения, касающиеся равенства прав верующих и неверующих граждан, создания, государственной регистрации и ликвидации религиозных организаций, их прав и условий деятельности, повышения роли органа государственного управления по делам религий и другие.

В Преамбулу Закона внесена определяющая роль Православной Церкви в историческом становлении и развитии духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа, духовной, культурной и исторической роли Римско-католической Церкви на территории Беларуси, неотделимости от общей истории Беларуси Евангелическо-лютеранской Церкви, ислама и иудаизма, что обеспечивает соблюдение ст. 15 Конституции, где говорится: «Государство ответственно за сохранение историко-культурного и духовного наследия...»

Преамбула закона соответствует мировому опыту. Например, в Великобритании юридически закреплено понятие «официальная религия», «Церковь Англии» в отношении Англиканской Церкви. Король должен быть ее приверженцем и является ее главой. Во время коронации он дает обещание защищать права Англиканской Церкви. В Германии официально признаны как «субъекты публичного права» Римско-католическая и Лютеранская Церкви, иудаизм, в некоторых землях и православные общины.

В ст. 15 Конституции Австрийской Республики имеется понятие «признанная законом церковь или религиозное общество», а в ст. 16 определено понятие «признанное законом религиозное учение». Исторически признанными считаются Римско-католическая Церковь (в соответствии с Конкордатом между Австрийской Республикой и Ватиканом от 5 июля 1933 г.), Аугсбургская, Швейцарская и Православная Церкви (согласно закону от 23 июня 1967 г.), иудаизм (закон с изм. и доп. 1984 г.), ислам (закон от 15 июля 1917 г. с изменениями 1988 г.).

В Бельгии в ст. 24 § 1 п. 5 Конституции определено понятие «признанная религия». В § 3 п. 2 имеется указание на право духовного и религиозного обучения за счет государства, а в ст. 181 § 1 говорится, что выплата жалований и пенсий служащим культа вменяется в обязанности государства [13]. К служащим культа относятся представители 6 конфессий, получивших юридическое признание государства, как имею-

щих общественную ценность и доказавших общественную пользу своим служением населению. Конституция Швеции закрепляет в качестве официальной религии Лютеранскую Церковь. Положения о статусах традиционных конфессий оговорены в законодательствах Ирландии, Дании, Испании, Италии, Финляндии, Франции.

Новые законы о свободе совести приняты в Российской Федерации, Литве, Латвии, Чехии, Словакии, где закреплены приоритеты исторически традиционных вероисповеданий, определены испытательные сроки для впервые зарегистрированных религиозных направлений, установлены определенные законодательные ограничения для их деятельности.

Эффективность политики, направленной против религиозно-политического экстремизма в Республике Беларусь, зависит от последовательного и строго выполняемого требования закона, запрещающего пропаганду и агитацию, создание общественных объединений, возбуждающих национальную и религиозную ненависть и вражду, направленных на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение территориальной целостности, создание вооруженных формирований; считающего недопустимым установление какой-либо религии в качестве государственной, устанавливающего равенство религиозных объединений перед законом.

Несмотря на общий процесс роста религиозности населения Беларуси (только 7,2% опрошенных респондентов среди молодежи заявляет об атеистических убеждениях), на значительное преобладание религиозной терпимости большинства населения, существуют некоторые проблемы в религиозной сфере и у нас, которые делают данную тему исследования бесспорно актуальной. Так, 5,3% опрошенных представителей молодежи считает, что с иными религиозными взглядами, иной верой нужно бороться всеми средствами, даже насильственными, сомневаются в возможности или невозможности собственного участия в погромах кладбищ иноверцев 6,5% опрошенных, в погромах культовых зданий – 7,3%, в насильственных захватах храмов – 9%; до 4% молодых людей смогли бы за плату совершить какое-либо религиозно-экстремистское действие, направленное против иноверцев [14, с. 3].

В последнее время религиозные сообщества в современном мире (особенно после 11 сентября 2001 г.) разделились на те, чье сотрудничество с государством строится на основе социального партнерства, и те, которые дестабилизируют социально-политическую ситуацию в государстве на основе конфессиональных противоречий. В связи с этим, все больше внимания в научной и публицистической литературе уделяется самому термину «религиозный экстремизм».

Так, исследователь А. Журавский трактует его как приверженность к крайним взглядам и мерам в стремлении переустройства мира в соответствии с религиозными фундаменталистскими взглядами, с жестоким отношением к чужим, иноверцам.

Исследователь В.Н. Иванов [15] считает, что в основе любой формы экстремизма лежит политически ориентированное, нелегитимное, открытое (публичное) насилие как результат проявления агрессии фрустрированных индивидов и групп, социального давления, превышающего возможности человека к терпению, что делают эквивалентными друг другу и палестинскую интифаду, и чеченский джихад, которые в остальном существенно различны. Установка добиться решения этнорелигиозной проблемы с по-

мощью прямого нелегитимного насилия становится той доминантой, которая позволяет все остальные политические и идеологические конструкции рассматривать как средство оправдания экстремизма и его крайнего проявления – террора и обоснования необходимости прибегнуть к нему.

Вводя термин «этнорелигиозный экстремизм», О.А. Русанова [16] отмечает, что этнический и религиозный компоненты часто выступают в неразрывной связи в мобилизующей религиозной идеологии и субъективных установках (деятельность до недавнего времени ИРА в Великобритании, чеченский сепаратизм, палестинские, курдские и другие группировки).

Отмечая, что экстремизм на религиозной основе тесно связан с политикой и представляет единое целое, исследователь Н. Наматов предлагает использовать термин «религиозно-политический экстремизм», учитывая неоднократное намерение экстремистов силой ниспровергнуть политические режимы в своих странах и создать клерикальное государство (например, Исламское движение Узбекистана (ИДУ), Талибан в Афганистане, Церковь арийской христианской нации в США, «Шивсена» в Индии, «Аль-Джихад аль-Ислами», «Хамас» и др.). Преобладание силовых методов для достижения целей, направленных на насильственное изменение государственного строя, нарушение суверенитета и территориальной целостности государства, отвергание компромиссных путей решения – характерные черты религиозно-политического экстремизма.

В идеологии он проявляет себя через отрицание и подавление всяческого проявления инакомыслия, жесткое утверждение своей системы политических и религиозных взглядов, культивирование слепого повиновения и исполнения приказов лидера; в организации – это подпольный характер структурированной организации, проявление агрессивности действий вплоть до террора, попытки противопоставления себя действующему государственному строю.

Однако, многие политологи призывают не употреблять термин «религиозный экстремизм», предлагая заменить термин понятием «экстремизм на религиозной почве», исходя из того, что, во-первых, данное словосочетание – типичный образец условности политологических понятий, во-вторых, за всяким религиозным явлением стоят политические, экономические и военные интересы определенной социальной группы людей, в-третьих, такая категоричная постановка вопроса оскорбляет чувства верующих, искусственно разделяя религии на «агрессивные» и миротворческие, игнорируя изначальные основы мировых религий, их фундаментальные ценности в лучшем смысле этого слова, в-четвертых, некоторые ученые считают, что проявлениями экстремизма являются и радикальные кампании против введения личных номеров в новых гражданских паспортах, отказ от фотографирования для официальных документов без головного убора, уклонение от участия в выборах, воинской службы и выполнения иных гражданских обязанностей. Не все данные проявления радикального характера являются противоправными и уголовно наказуемыми, но они создают негативную социально-психологическую атмосферу в обществе на религиозной почве.

Подводя итоги вышесказанному, хотелось бы сослаться на мнение члена корреспондента РАН В.А. Тишкова, который отмечает, что при характеристике экстремизма и терроризма «мы имеем дело с новым по своему воздействию феноменом, кото-

рый не укладывается ни в понятие государства, ни в понятие этнической общности». На его взгляд, речь идет о «неформальных сетях» – диаспорных, радикально-фундаменталистских или нарко-криминальных коалициях, транснациональных и «псевдо-цивилизационных» общностях – исламской, тюркской, магрибской и других.

В настоящее время экстремистами часто не выдвигаются конкретные требования, как раньше. Возможно, основными целями выступают рекрутирование новых сторонников, создание «сочувственной политической атмосферы в обществе» (по Л. Троцкому), идейно-нравственной поддержки экстремизму, обращение не к разуму и логическим аргументам, а к эмоциям и инстинктам людей, к предрассудкам и предубеждениям. Тактика, используемая лидерами исламских фундаменталистов, заключается в распылении и маскировке координационных центров и ячеек террористической сети, освоении максимально широких географических пространств и демонстрации отсутствия единого центра угрозы, непредсказуемости и невозможности предупреждения нового конфликта. Не менее опасным является отношение к данным фактам как к чему-то банально-неизбежному, без видимости эффективных путей борьбы с экстремизмом.

Фактически в их руках почти неограниченный доступ к информационным массивам, современное оружие, услуги высокообразованных аналитиков, значительные финансовые и людские ресурсы.

Обращаясь к причинам актуализации проблемы религиозного экстремизма в современном мире на основе анализа используемых нами работ по данной теме, хотелось бы остановиться на следующих из них.

Существует устойчивая корреляция между подъемом национализма и религиозного фундаментализма и переходным состоянием общества. Еще Э. Хобсбаум утверждал, что националистическо-религиозные движения «укореняются прежде всего в тех регионах (и возможно, в странах), где модернизация уже достаточно проявила себя, чтобы породить проблемы, но недостаточно продвинулась, чтобы предложить их решения». Периоды радикальных перемен – периоды всеобщей неуверенности, фактического отчуждения власти от интересов маргинализирующейся части общества, ищущего защиту вне легального правового поля, повсеместного возвращения к этническим и религиозным фундаментальным устоям. «Люди спасаются от экономической неуверенности своего реального мира, – пишет Л. Туроу, – отступая в уверенность ... религиозного мира», где они будут спасены, проявив покорность и повиновение предписанным правилам.

Для большинства нестабильных регионов (Ближний Восток, Африканский континент и ряд других) характерны невозможность урегулировать политические и экономические противоречия, справиться с демографическим и экологическим кризисом, построить сбалансированную систему внешних связей, решить пограничные споры, трайбалистские и этноконфессиональные вооруженные конфликты, восполнить недостаточно сбалансированную социально-профессиональную структуру многих автохтонных этнических групп, проблему массового голода. Так, в Судане наблюдается фактический раздел страны на исламский арабский север и христианско-анимистский юг; Ирак является территорией гражданской войны «всех против всех», шиитов и суннитов, своеобразным испытательным полигоном мирового джихада, собравшего добровольцев-исламистов со всего мира.

Представитель Совета муфтиев России шейх Равиль Гайнутдин на международном мусульманском форуме под девизом «Ислам за мир» в Москве в апреле 2005 г. обратил внимание на некоторые причины возникновения экстремизма под символикой ислама, а именно:

- военно-исторические, связанные с антиколониальным национально-освободительным движением арабских стран в XX веке;
- социально-экономические (отставание от «метрополий» и в связи с этим рост социальной зависти и желания отомстить);
- идейно-богословскую; психологическую (комплекс «подавленного самолюбия»); геополитическую (антиглобалистские настроения);
- общекультурную (общее падение нравственности и низкий уровень духовности и образования) и другие [17].

Представляет огромный интерес анализ причин радикализации российских мусульман на современном этапе. На наш взгляд, они применимы при анализе ситуации на всем постсоветском пространстве. Шейх обращает внимание на практическое отсутствие в СССР продуманной национальной и религиозной политики, ситуативного анализа, социальную поляризацию в местах компактного проживания мусульман, рост деструктивных экономических процессов (безработицы, коррупции местных властей и др.), насаждение исламофобии в западных СМИ (примером служат карикатуры в датской газете «Юлланд-Постен» в сентябре 2005 г., вызвавшие шквал протестов в исламских странах); общая радикализация настроений в исламском мире; серьезные недостатки традиционного религиозного образования, вызванные отсутствием высших богословских учебных заведений и получением духовного образования в зарубежных странах; акты насилия со стороны фашиствующих организаций.

Негативный резонанс в обществе вызывает деятельность и псевдорелигиозных организаций, последователей неоязычества, оккультизма, сатанизма и других группировок, действующих полулегально или нелегально и широко не афиширующих свою деятельность (например, Церковь Виссариона, мормоны, «Великое Белое Братство», Сайентологическая церковь, «Аум Синрикё» (по вине которой в 1995 г. в токийском метрополитене жертвами стали 12 человек и более 5 тыс. человек пострадали). В подобных общинах насаждается религиозный фанатизм, совершаются изуверские обряды, акты вандализма, наносится ущерб нравственному, психологическому и физическому здоровью их членов, интересам семьи, материальному благополучию, государству.

Для преодоления негативных последствий и предупреждения распространения религиозного экстремизма необходима стратегия социальной солидарности с отходом от конфронтационных идеологией и реализацией установок на традиционные гуманистические ценности, на социально-экономическое развитие в интересах большинства членов общества.

Для борьбы с экстремизмом необходима прочная материальная и духовная основа. Общим благоприятным фоном является развитая рыночная экономика, политическая стабильность, гражданское общество, правовое социальное государство, высокий уровень правовой и политической культуры населения. Самым не экстремистски настроенным социальным слоем является средний класс, которому есть что терять. Борь-

ба с экстремизмом должна вестись законными, легальными, оправданными с точки зрения морали, норм национального и международного права методами, иначе средства подменяют цель. В этом плане предостережением звучат слова Ф. Ницше: «Тот, кто борется с чудовищем, должен остерегаться, чтобы и самому не превратиться в чудовище. И если ты долго глядишь в пропасть, то и пропасть также проникнет взором в тебя» [18].

Необходимо правовое регулирование борьбы с экстремизмом, ибо экстремизм – это всегда правовой нигилизм, где самой жестокой, преступной формой является терроризм, когда, по словам Г. Гегеля, преступник (преступники) противопоставляет свою волю не просто воле потерпевших, а воле всего общества. В Республике Беларусь правовую основу борьбы с терроризмом составляют Конституция Республики Беларусь, Уголовный кодекс Республики Беларусь, Закон Республики Беларусь «О борьбе с терроризмом» от 3 января 2002 г., другие акты законодательства, международные договоры Республики Беларусь. Закон о противодействии экстремизму в Республике Беларусь находится в Палате представителей в первом чтении.

Наше общество нуждается в выработке национальной государственной программы противодействия всем формам экстремизма по примеру Российской Федерации и других стран. В России с 1990-х годов действует федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе», федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» (2002 г.). В Уголовный кодекс Российской Федерации введены дополнительные статьи: «Организация экстремистского сообщества», «Организация деятельности экстремистской организации».

Для подготовки программы нужно:

- 1) обобщить судебную практику по уголовным и административным делам;
- 2) провести мониторинг правовых документов с целью определения их эффективности и адекватности в борьбе с экстремизмом, для этого создать экспертное научное подразделение при Министерстве юстиции Республики Беларусь;
- 3) совершенствовать по данному вопросу законодательную базу и привести ее в систему;
- 4) проводить организационно-политические и культурно-просветительские мероприятия;
- 5) установить ответственность средств массовой информации за распространение экстремистских материалов и осуществление экстремистской деятельности;
- 6) определить список экстремистских организаций.

Только сплоченное, демократическое общество способно противостоять экстремизму. В современных условиях для борьбы с экстремизмом на первый план выходят легальные (правоприменительные), политические, информационные и силовые средства борьбы, где бдительность и дисциплинированность простых людей играют далеко не последнюю роль.

Борьба с экстремизмом нуждается в активной информационной поддержке, в лишении его медиапривлекательности, в возведении жестких барьеров на пути распространения экстремистских идеологий, жестокости и насилия.

Создание разработанной нормативной правовой базы, разработка методик исследования экстремистских группировок, причин их возникновения, внутренних структур и иерархии, механизмов рекрутирования новых членов являются важнейшими задачами в деле борьбы и профилактики экстремизма.

Л и т е р а т у р а

1. ЭКО. Экономика и организация промышленного производства. – 2005. – № 12. – С. 44.
2. Крысин, Л.П. Толковый словарь иноязычных слов / Л.П. Крысин. – М., 2005. – С. 456.
3. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – С. 559–560.
4. Российская газета. – 2002. – № 138–139. – С. 6.
5. Краснов, М.А. Онтология разнообразия (к осмыслению статьи 13 Конституции РФ) / М.А. Краснов // *Общественные науки и современность*. – 2006. – № 3. – С. 41.
6. Паин, Эмиль. Откуда берется экстремизм / Э. Паин // *Знание – сила*. – 2004. – С. 18.
7. Тарасов, А. Экстремисты по вызову / А. Тарасов // *Свободная мысль XXI*. – 2003. – № 7. – С. 69.
8. Макаров, Н.Е. Исторические и социальные аспекты политического экстремизма / Н.Е. Макаров // *История государства и права*. – 2005. – № 8. – С. 13.
9. Лоренц, К. Агрессия, так называемое «зло» / К. Лоренц. – М., 1994. – С. 31–37.
10. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. – М., 1994. – С. 27–29.
11. Гумилев, Л.Н. География этноса в исторический период / Л.Н. Гумилев. – Л., 1990. – С. 122–123.
12. Гозман, Л.Я, Шестопал, Е.Б. Политическая психология / Л.Я. Гозман, Е.Б. Шестопал. – Ростов н/Д, 1996. – С. 232–249.
13. Конституции государств Европейского Союза / под общей ред. Л.А. Окунькова. – М.: Изд. группа НОРМА-ИНФРА. – М., 1999. – 816 с.
14. Юдин, В.В. Религиозность и религиозный экстремизм в молодежной среде / В.В. Юдин // *Вестник ВДУ*. – 2006. – № 3. – С. 3–5.
15. Иванов, В.Н. Феномен терроризма (экспертные суждения и оценки) / В.Н. Иванов // *Социально-гуманитарные знания*. – 2005. – № 3. – С. 108–125.
16. Русанова, О.А. Этнорелигиозный экстремизм как социальное явление в российском обществе (на примере Северокавказского региона) / О.А. Русанова // *Вестник Московского университета. Сер. 18, социология и политология*. – 2005. – № 2. – С. 21–41.
17. Гайнутдин, Р. Ислам против терроризма / Р. Гайнутдин // *Азия и Африка сегодня*. – 2005. – № 7. – С. 2–8.
18. Ф. Ницше. По ту сторону добра и зла. К генеалогии морали. – Мн.: Беларусь, 1992. – С. 85.

Поступило 29.06.2006